

создающий и защищающий свой частный мир от посягательств общественных институтов, осознающий свою непохожесть на людей, имеющих иные социальные статусы. В виду отсутствия в советской культуре подходящей идеологической матрицы становление идентичности происходило, как правило, вне чёткой артикуляции собственных социальных интересов. Оно представляло собой серию шагов по выстраиванию подходящих социальных связей, основанных на доверии и близости социальных позиций, невнятице частных суждений и оценок, и апелляций к здравому смыслу.

И здесь следует согласиться с Е.Ю. Зубковой. Стратегии социального самоопределения, сложившиеся в советскую эпоху, работают на личностном уровне и сегодня: «Советскость не растворилась в постсоветской социальной реальности, а постоянно напоминала о себе».

Анна Крылова

***Советский социум и проблемы исторической реконструкции.
Размышляя вместе с Еленой Зубковой***

Anna Krylova (Duke University, Durham, USA)

Soviet sociality and the problem of historical reconstruction.

Thinking together with Elena Zubkova

DOI: 10.31857/S086956870006376-4

В последние десятилетия, и в особенности после распада СССР, историки и социологи уделяют много времени и сил изучению советского периода российской истории, отмеченного попыткой проложить особенный путь в промышленную модернность XX в. В зависимости от поставленных вопросов или выбранной темы учёные предлагали исследования в рамках хорошо известных, хотя не всегда отчётливо сформулированных, теоретических рубрик: быт, повседневность, консюмеризм, советский человек и, наконец, теоретически самая неопределённая рубрика — собственно советскость. В статье «Советская жизнь как предмет исторической реконструкции» Е.Ю. Зубкова задаётся вопросом: как быть с богатым материалом, собранным в ходе этих исследований? Не пора ли сделать паузу, чтобы разобраться в полученных результатах, оценить аналитическую ценность используемых научных методов и начать работу по синтезу и определению новых направлений исследований? Постановка проблемы очень своевременна.

Для того чтобы двигаться дальше, исследовательница предлагает ретроспективный критический обзор пути, который мы, международное сообщество учёных, прошли с тех пор, когда предмет нашего исследования — советский социум — ещё жил и здравствовал. Я остановлюсь в основном на интеллектуальной повестке, намеченной автором на будущее. Центральное место в ней занимает тезис о необходимости поменять аналитические механизмы дальнейшего изучения и обобщения социальной истории «советского», обратившись к разработке того, что Зубкова называет «интегральными моделями». Такой поход, как мне кажется, содержит в себе как многообещающие возможности, так и потенциальные ограничения.

Упор в рассуждениях сделан на масштаб исторических исследований: «Необходимо изменить оптику восприятия объекта — от деталей к системе». Историк должен не просто работать с отдельными группами, индивидуумами, поколениями, периодами или проблемами, но решать вопрос о том, как из них складывалась история советского социума со всеми его типичными и меняющимися характеристиками. Такова суть предлагаемого подхода. Его концептуальное преимущество — попытка добиться целенаправленного синтеза разнообразных исследований «советского», — вероятно, окажется весьма существенным.

Автор прекрасно понимает, насколько сложно разрабатывать аналитические модели в исторической науке. Сложность и многоплановость социального бытия в его исторической динамике с трудом поддаются моделированию и вызывают серьёзные сомнения в полезности такого подхода к изучению истории. Именно в ответ на эти опасения Зубкова предлагает «стратегию» интегрального анализа, в которой отправными точками исследования должны служить «множественность пространств, практик и субъектов» советского общества — и в то же время их «одновременность». Учитывая опыт советских и европейских социологов середины XX в., Зубкова предлагает набросок «советской жизни» как «системы перекрещивающихся полей». Такая система позволяет подходить к феномену советской истории без упрощения, рассматривая его многогранные формы: публичные и приватные, потребительские и трудовые, досуговые и образовательные, нормативные и девиантные.

Обращаясь к работам Ю.А. Левады, Зубкова показывает, как подобная модель помогает исследователю не забывать о сложности организации любого, даже самого обычного дня в жизни общества и в то же время способствует обобщению материала. По словам Левады, «известно, что ни один человек не живет и не действует только в сфере труда. Очевидно, ни один человек, независимо от профессии, не живет только в сфере юридических или моральных отношений общества, каждый одновременно живет и действует и в сфере производственной, и в сфере нормативной, юридической, моральной, эстетической и т.д.»¹. Такие «множественность» и «одновременность», усиленные поколенческим, национальным, гендерным, социальным разнообразием, не только не препятствуют интегральному историческому анализу — они, как утверждает Зубкова, оказываются его условием. При этом бытовое выражение «советская жизнь» превращается в аналитическую категорию-рубрику, определяющую хронологические рамки исследования.

Без сомнения, интегральный подход к обобщению наших знаний о советском периоде и дальнейшему изучению истории СССР вызовет немало споров. Такая дискуссия представляется мне неизбежной: выстраивая свою теорию, Зубкова обошла молчанием проблемы, которые потенциально сопутствуют любой попытке применения моделей к истории, какими бы теоретически сложными и продуманными они не были. Я имею в виду то обстоятельство, что разработка интегральной модели — а значит, и синтезирующего анализа — начинается с предположения, что рассматриваемый исторический период уже содержит в себе социальный материал, поддающийся моделированию и объяснению с помощью интегрального мышления.

¹ Левада Ю.А. Сочинения / Сост. Т.В. Левада. М., 2011. С. 15.

Другими словами, интегральные модели сосредотачивают внимание историка на устоявшихся, действующих формах и структурах социального бытия. За рамками подхода остаются история становления исследуемого феномена и его изменения. То, что предложенная модель предполагает изучение как устойчивых, так и «подвижных, изменчивых» и даже «возникающих спонтанно» форм «бытования советского социума», подчёркивает сложность аналитического подхода Зубковой, но не разрешает указанную проблему. Так, разъясняя свою позицию, автор приписывает изучению «подвижных», «изменчивых» и «возникающих спонтанно» форм бытования «рамочные условия» — минимальные системные ограничения, без которых концепция интегрального моделирования-анализа потеряла бы смысл.

Эти рамки, как мне кажется, появляются в статье не случайно. Позволяя углубить изучение «советской жизни» в её устоявшихся формах, они одновременно указывают на серьёзную лауну: мы пока мало знаем о том, как и зачем понятие «советский» вошло в культурный репертуар «первой страны социализма». Может показаться, что ответ на этот вопрос очевиден. Суммируя наше общее предположение, Зубкова пишет, что «главный субъект советской жизни — советский человек» сформировался к середине 1950-х гг., а «в качестве целевого проекта был задуман раньше». В контексте существующих исследований — как в российской, так и в англо-американской историографии — это утверждение не вызывает возражений, поскольку отсылает исследователя к идеологии «страны Советов», максимализму большевиков и их вере в возможность создания Нового Человека по образу и подобию пролетариата².

Но если обратиться к фундаментальным целям и ценностям построения социалистического общества, декларировавшимся в 1920-х гг., то подразумеваемая связь между проектом большевиков и его реализацией в 1950-х гг. уже не будет казаться очевидной. Как объяснить тот факт (о котором мне уже приходилось писать), что в рамках большевистского дискурса невозможно охарактеризовать воображаемый социалистический строй и Нового Человека как «советские»? Более того, как объяснить то, что понятие «советский» в том виде, в каком историки обнаруживают его в 1950-е гг. — указывающее на качества, свойства и действия людей, живущих на территории Советского Союза, — не только не употреблялось в 1920-х гг., но и не было востребовано обществом? Другими словами, ни партийные работники, ни интеллигенция, ни обыватели не замечали, что не существовало таких выражений и понятий, как «советский человек», «советский характер», «советские ценности», «советская жизнь» и т.д. «Советским характером» не обладал даже рабочий класс³.

² В англо-американской историографии такой взгляд на советскую историю давно стал аксиоматичным благодаря ряду концептуальных работ, взявших за основу эту точку зрения. См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization. Berkeley, 1995; Hoffmann D.L. Was there a «Great Retreat» from Soviet Socialism? Stalinist culture reconsidered // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 5. 2004. № 4. P. 651—674; Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge, 1995; Clark K. Moscow, the Fourth Rome. Stalinism, Cosmopolitanism, and the evolution of Soviet Culture, 1931—1941. Cambridge, 2011.*

³ Подробнее см.: *Крылова А. «Советская современность»: Стивен Коткин и парадоксы американской историографии / Пер. с англ. А. Захарова // Неприкосновенный запас. 2016. № 4. С. 118—136; Krylova A. Imagining Socialism in the Soviet Century // Social History. Vol. 42. 2017. № 3. P. 315—341.*

В центре этой проблемы находится не только история понятия «советский», т.е. то, как оно вошло в обиход, стало частью самоопределения и превратилось в естественное как для современников, так и для историков. Реконструкция этого социокультурного феномена, несомненно, поможет избавиться от концептуального схематизма, недостаточной артикулированности, а зачастую и неопределённости, характерных для работ, посвящённых феномену «советского». Важность этого подчёркнута и в статье Зубковой.

Ещё один ряд проблем касается фундаментальных методологических и теоретических вопросов исторической науки, которые можно в целом охарактеризовать как конфликт между исследованиями посредством интегральных моделей и самим историческим процессом, всегда выходящим за рамки любого моделирования. Разумеется, этот конфликт имеет фундаментальный характер и существует во всех социальных науках. Однако особенно остро он чувствуется в истории — дисциплине, которая постулирует в качестве одной из своих специфических задач изучение изменения исторических форм. Другими словами, принимаясь за исследование советского периода, историк уже *de facto* оказывается вовлечён в междисциплинарную дискуссию о проблемах изучения исторического процесса. От степени активности историков в этой дискуссии зависит, как мне кажется, будущее нашей науки.